

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДРАМАТУРГИИ
М.Ф. АХУНДОВА НА РУССКИЙ ЯЗЫК****А.П.МАМЕДОВА***Бакинский Государственный Университет
nfp79@mail.ru*

В статье анализируются переводы всех шести комедий М.Ф.Ахундова на русский язык. Автор статьи прослеживает как драматургические принципы М.Ф.Ахундова передаются его переводчиками. Для этого рассматриваются два русских издания комедий - 1938 и 1987 годов. В необходимых случаях автор статьи предлагает свои варианты перевода труднопереводимого материала. В статье также поднимаются проблемы, связанные с переводом азербайджанских реалий, пословиц, поговорок и других языковых средств на русский язык.

М.Ф.Ахундов сыграл исключительную роль в становлении и формировании национальной драматургии. Именно поэтому анализ переводов его комедий на русский язык, выполненных как им самим, так и профессором Азизом Шарифом, может стать важной отправной точкой для изучения проблемы переложения образцов азербайджанской драматургии на инонациональные языки.

Следует помнить, что будучи истинно народным драматургом, Ахундов в своих комедиях часто пишет о народных праздниках, сопровождающих их обрядах и традициях. Как показывают наши наблюдения, русские переводчики Ахундова, как правило, в своих переводах не уделяют этим ярким выразителям культуры народа достаточное внимание, что не способствует верному восприятию их читателями.

Обратимся к примерам. Возьмем следующий отрывок из диалога первого действия комедии «Визирь Ленкоранского ханства»:

“Əzizim, mətləbim budur ki, Novruz bayramına iki ay qalıbdır” (1, 37).

Переводчик, воссоздавая текст в русском переводе, достаточно точен:

«Дело в том, мой дорогой, что до Новруз байрама осталось всего два месяца» (2, 92).

Однако, если для азербайджанского читателя текст понятен, то для далекого от Азербайджана, от тюркского мира иноязычного читателя текст туманен и непонятен. Этого можно было избежать, пояснив в тексте или в сносках смысл реалии Новруз байрам.

Известно, что одним из неизменных атрибутов Новруз байрама является «səməni», взращенная пшеница, своеобразно символизирующая приход весны.

В заключительном, четвертом действии комедии «Визирь Ленкоранского

ханства» читаем:

“Falçı duanı yazıb buyurdu ki, gərək vəzirin başının üç ağırı buğda səməni qoyub fütqraya paylayasan” (1, 43).

Русский перевод в этом случае оказался сопровожден пояснением в скобке: «Г'адальчик написал молитву и велел раздать бедным сямьяни (особое блюдо, приготовляемое из специально выращиваемой к празднику Новруз-байрам пшеницы), для чего надо взять столько пшеницы, чтобы ее вес трижды превышал вес твоей головы» (2, 46).

Однако, пояснение это не выдерживает критики, ибо, ознакомившись с ним, русскоязычный читатель может сделать вывод, что səməni -- это национальное блюдо азербайджанцев, хотя реалья это не имеет никакого отношения к азербайджанской национальной кухне.

Новруз-байрам упомянут, как будет показано в следующей главе, и в повести «Обманутые звезды», а потому есть необходимость подробнее остановиться на этой реалии.

С.Влахов и С.Флорин считают, что если реалья не имеет принципиального значения, то не будет потери для читателя, если ее опустить при переводе. Они предлагают определить это, подвергнув детальному рассмотрению ее с терминами, показывающими актуационную и контекстуальную зависимость их передачи (4, 120).

Переводчик использовал разнообразные средства для выражения экспрессивности слов и выражений.

Существует несколько их разновидностей:

- 1) бранные слова и проклятия; 2) заклинания; 3) благословение;
- 4) ласкательные слова и обращения.

Во многих случаях, стремясь сохранить экспрессивность стиля, переводчик отказывается от применения традиционных азербайджанских оборотов, сохраняя свой колорит при буквальном воспроизведении. Например, “sənə qurban olum, qələt eləmişəm”, при буквальном переводе должно означать «да буду я твоей жертвой, я виноват», в этом случае неоправданным является пропуск фразеологической единицы, “sənə qurban olum”, выражающей национальный колорит, а переводит как «ваша милость, я виноват». «qadan alım» зафиксирована в словаре А.Оруджева и дословно переводится как «пусть твой недуг перейдет на меня».

Это ласкательное обращение употребляется в двух смыслах:

- 1) милый, дорогой, сердечный; 2) умоляю тебя.

Но, так как выбор исходит из контекста, то в этом случае “Şərəfnisə, qadan alım, bilirsən ki, əmidostun bu gün nə tufan elədi?” (1, 70).

-- «Ты знаешь, Шарафниса, милая, какую бурю устроила сегодня тетушка?» и употребление слова «милая», как перевод «qadan alım» оправдан (рядом с «qurban olum»). Выражение “ay aman, qorxuram” переводит словом «боюсь», при этом выражение теряет свое усиленное значение. Лучше было бы перевести “ay, aman”, которое означает «ой», и получилось бы «ой, как боюсь». Дословным способом можно было воспользоваться при передаче выражения “allahı sevirsən, mənim ürəyimi qana döndərmə”, которое он переводит, как «ради бога, не терзай мое сердце», хотя при дословном переводе получился бы «эквива-

лент», существующий в русском языке «не обливай сердце кровью». В другом случае он воспользовался адекватным способом, переведя “baş üstə”, как «слушаюсь». Ласкательные слова, обычно выражаемые в оригинале в форме обращения, также допускают разнообразные формы обращения. Однако некоторые остаются без перевода (например, *sañim*), хотя легко переводимо как «душа моя», иные опущены, несмотря на возможность быть скалькированным, как, например, в обращении “əmi, əmican”, что буквально могло быть переведено как «дядя, дядюшка». В переводе ласкательных слов и обращений переводчик исходил из контекста, подсказывающего ему ту или иную форму восприятия. Следовало бы сделать более ясной социальную дифференциацию отдельных персонажей четко (в тексте или примечании), раскрывающих значение слов типа «*xanım*», «*arvad*», «*əfəndi*», «*hacı*». Например, распространенное слово “*ağa*” может быть переведено как господин, хозяин, а переводчик его переводит как «ваша милость», то как «сударь», закрепленное лишь в русском языке и несущее определенную национальную окраску, это приводит к размыванию национального колорита. Одно из самых распространенных выражений в азербайджанском языке, употребляемое обычно при обращении с просьбой, является “*başına dönüm, getmə*”, переводит как «милый мой, не уходи», при этом оно теряет значение просьбы, поэтому было бы более правильно перевести «умоляю, не уходи». Нередко камнем преткновения становятся многие эмоционально окрашенные обращения из-за тонкости нюансировки, которую не всегда легко уловить, кроме того, в бедности, а иной раз в отсутствии соответствующих выражений, во многих случаях перевод оказывается неверным. Ахундов часто использовал и религиозные слова, помогающие выразить духовную культуру нации. Переводчик дает им объяснение в сносках. Например, “*gərək idi bismillah deyəsən*” – «а ведь нужно было бы всего лишь сказать “*bismillah*” (начало арабского изречения из Корана) (2, 52).

Особую категорию представляют термины родства. В некоторых языках они настолько расчленены и многообразны, что вообще не поддаются переводу. Переводя на язык более разветвленной системы термины родства, очень важно установить точную степень родственных отношений. Затруднение обусловлено невозможностью выяснения этого из контекста. Например, в русском языке для обозначения брата отца и матери используется одно слово «дядя», а для обозначения сестры матери или отца – «тетя».

В азербайджанском языке более распространенная система родственных отношений, для обозначения сестры отца используется слово “*bibi*”, а сестры матери – “*xala*”; для обозначения брата отца “*əmi*”, а брата матери – “*dayı*”. Например: “*Bibi, sən nə vaxt gələcəksən?*” – «Тетя, когда ты придешь?»; “*Əmi, əmican, nə istəyirdin?*” – «Дядя, дядюшка, что ты хотел?»; “*Dayım çoxdan gedib*” – «Дядя давно ушел».

С.Влахов и С.Флорин считают, что если автор использует прозвища, наиболее метко характеризующие своего носителя или кричащие фамилии, то здесь советует «шаг за шагом» копировать автора и дать объяснение в сносках (4, 121).

Например, “*Hacı Nuru, sənin duana görə mən gərək Harun olaydım*” – «Гаджи Нури, если рассудить по-твоему, мне бы надо быть Каруном (один еврейский богач, живший во времена Моисея)»:

“Az qalıb dəli-divana olub Məsnun kimi dağa-daşa düşəm, Kərəm kimi alışam, yanam” – «Еще немного, и я сойду с ума, буду бродить, как Меджнун по горам и долам иди, как Керем, сгорю в пламени (Меджнуном был прозван Кейс, герой популярной легенды о несчастной любви Кейса и Лейли, а Керем – герой азербайджанского народного сказания о любви сына владельца города Гянджа Керема и дочери армянского священника Асли)»;

“Merrix ulduzuna hökm edim ki, müsyo Jordanın boynunu vursun ki, Şahbaz bəuı arapan olmasın” – «Повелеть звезде Меррих (колдун прибегает к этой звезде, изображающей человека с кинжалом, для исполнения страшных замыслов) обезглавить мусье Жордана, чтобы некому было везти Шахбаз-бека в Париж».

Существует и другой способ перевода «буквальный или дословный». В науке о переводе принято считать, что буквальным считается перевод, осуществлённый на низком уровне. Существует два источника и два типа буквализма. Первый тип – примитивный, коренится во внешнем сходстве, фонетическом или графическом; второй тип – этимологический, построенный на внешнем сходстве, далеко не всегда означающих близость значений. Хотя есть и немало интернациональных терминов, но второй тип состоит в использовании переводчиком наиболее распространённого значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов.

Неудачен, маловыразителен и трудно понятен для русского читателя перевод поговорки из речи героя комедии «Медведь, победитель разбойника» Тарверди: «Eh, məscid tikilməmiş, kor əsasını dayadı», выполненный построчно: «Мечеть еще не построена, а слепой уже тычет палкой» (2, 188). Неудача здесь обусловлена, с одной стороны, тем, что в этом построчном переводе отражается мусульманская реальия, когда нищие, убогие, слепые просят милостыню именно вблизи мечети, что известно далеко не всем русским читателям. Кроме того, в вышеприведённом переводе сохранено слово мечеть, к которому не даны разъяснения. Это привело к неясности смысла. Могут возразить, что слово мечеть в известной степени усвоено русским языком: его относят к устоявшимся арабизмам. Однако большинство русских читателей вряд ли поймут смысл вышеприведённой фразы именно из-за этого слова. Вместе с тем, всего этого можно было избежать, поискав в русском языке смыслового соответствия. В 1987 году, готовя переводы пьес Ахундова для нового издания, Азиз Шариф нашел верный вариант перевода: «Чего ради делить шкуру неубитого медведя?» (3, 62), в результате чего все нюансы реплики героя комедии Тарверди стали понятны русскому читателю.

Рассмотрим еще одно фразеологическое выражение из драматургии Ахундова: “İki atın arpasını bölə bilməyən”. Азербайджанско-русский фразеологический словарь, составленный профессором А.А.Оруджевем, где вышеприведённое фразеологическое выражение закреплено в виде: «iki eşşəyin arpasını bölə bilmir» (с. 146), то есть «не умеет разделить ячмень между двумя ослами», содержит ряд его русских эквивалентов (разбирается как свинья в апельсинах; ни в зуб ногой, петый дурак, дубина стоеросовая).

Не удостоившись заглянуть в названный словарь, переводчик ограничился построчным переводом: «он не умеет ячмень между двумя лошадьми поделить», отказавшись и от частицы «даже», в результате чего не только исчезла

несущая известное обобщение выразительность оригинала, замененная простой констатацией факта, но и обеднялась авторская идея.

Дословно переведена и поговорка "Mən o guşlardan deyiləm ki, ətim yeyiləm" (1, 74) «Я не та птица, чье мясо едят» (3, с.83), хотя для того, чтобы сохранить усиленный смысл выражения и нормы русского литературного языка, можно было перевести, как «Я не из тех птиц, чье мясо едят».

Тем же способом переведена фразеологическая единица "Bü, allah, torpaq başıma, arvad nələrdən danışır" (1, 112) – «Боже мой, почему меня не засыплет земля» (3, 90), хотя, лучше было бы воспользоваться имеющимся в русском языке эквивалентом «готов сквозь землю провалиться».

Обнаруженные и проанализированные в данной статье удачные и промахи переводчиков комедий Ахундова позволят, смеем надеяться, последующим переводчикам азербайджанской драматургии четко находить нужные и верные эквиваленты в языке, на которой они переводят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Axundov M.F. Seçilmiş əsərləri. Üç cildə. I c., Bakı: Şərq-Qərb, 2005, 180 c.
2. Ахундов М.Ф. Сочинения. Тбилиси: Заря Востока, 1938, 260 с.
3. Ахундов М.Ф. Комедии. Проза. Поэзия. Литературно-критические статьи. Баку: Азернешр, 1987, 237 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980, 200 с.

M.F.AXUNDOV DRAMATURGIYASININ RUS DİLİNƏ TƏRCÜMƏSİNİN XÜSUSİYYƏTLƏRİ

A.P.MƏMMƏDOVA

XÜLASƏ

Məqalədə M.F.Axundovun altı komediyasının rus dilinə olunan tərcümələri analizə cəlb edilmişdir. Müəllif M.F.Axundovun dramaturgiyasına xas olan əsas cəhətlərinin rus dilində səslənməsinə fikir yetirir və onların düzgün ya səhif olduğunu araşdırır. Eyni zamanda tərcümələrin hər iki nəşri – 1938-ci il və 1987-ci il nəşrləri tutuşdurulur, müəllif öz tərcümə variantlarını oxuculara təqdim edir. Məqalədə reallərin, atalar sözlərinin, digər çətin tərcümə edilən söz vahidlərinin rus oxucularına çatdırılma problemləri araşdırılır.

FEATURES OF THE TRANSLATION OF M.F.AKHUNDOV'S DRAMATURGY INTO RUSSIAN

A.P.MAMMADOVA

SUMMARY

The article studies the translation of M.F.Akhundov's six comedies into Russian. The author focuses his attention on the collocation of the main features in Russian. Besides, the author compares the translations published in 1938 and 1987, and in necessary cases presents his own variants to the readers. The article investigates problems of translating proverbs and sayings and other language units into Russian.